

ВЛАСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

СТАЛИНИЗМ: ПРОБЛЕМА ЖИВУЧЕСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Фельдман М. А.

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и политических технологий Уральского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66, feldman-mih@yandex.ru

УДК 94(470):321.6

ББК 63.3(2)6-33

Цель. Целью статьи является анализ различных сторон практики сталинизма в советский период.

Методы. Отмечается глубокое расхождение оценок историков событий 1930-х гг. Проблема живучести идей сталинизма рассмотрена с гносеологической и управленческой точек зрения.

Результаты. На конкретных примерах раскрыта ненаучность попыток реанимации сталинизма. Выявлена ущербность управления на основе сталинских принципов.

Ключевые слова: управленцы, Сталин, террор, репрессии, историческая наука, государство, народ.

STALINISM: THE PROBLEM OF VITALITY IN THE PUBLIC MIND AND MANAGEMENT PRACTICES

Feldman M. A.

Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Public Administration and Political Technologies of the Urals Institute of Management – Branch, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia), 66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, feldman-mih@yandex.ru

Purpose. The aim of this paper is to analyze various aspects of Stalinism practices in the Soviet period.

Methods. The author notes the profound divergence of historians' estimates of the events of 1930-ies. The issue of survivability of Stalinism's ideas is considered to be based on gnoseological and management point of view.

Results. Specific examples of unscientific character of Stalinism's resuscitation attempts are revealed. The flaw of Stalin's management principles has been identified.

Keywords: managers, Stalin, terror, repressions, historical science, State, nation.

В чем причина того, что спустя шестьдесят лет после XX съезда КПСС, развенчавшего культ личности «отца народов», имя Сталина прочно удерживается в сознании значительной части жителей России в ряду наиболее выдающихся руководителей страны за всю историю государства?

Почему, в первые десятилетия XXI века очевиден не только ренессанс интереса к деятельности Сталина; не только поразительный по своим масштабам вал книг, прославляющий лидера советского государства на протяжении четверти века; безоговорочного диктатора в 1937–1953 гг. [1]?

Фельдман М. А.

Очевиден и рост одобрительных оценок методов сталинской политики. За период с 1994 по 2009 г. доля положительных оценок деятельности Сталина выросла с 26 % до 49 %, а доля негативных оценок сократилась с 45 % до 33 %. Очевидно, что заметный рост положительных оценок Сталина начинается лишь после критической реакции на «реформы» и с ростом «разочарования в демократии», усилением ностальгии по прошлому и общим возрастанием авторитарных настроений. При этом лично Сталин вызывает у современных жителей России скорее неприязнь, но, тем не менее, позитивной признается его роль в истории. Характерно, что три четверти россиян признают массовые репрессии 1930-х – начала 1950-х гг. неоправданными преступлениями против всего народа [2, с. 681–682]

Не менее важно и другое: увеличилась за 2001 – 2007 гг. масса равнодушных: с 18 % до 47 %. *Это мнение стало доминирующим в обществе.* Такой результат свидетельствует о том, что большинство людей оказывается не в состоянии систематически связывать различные представления о сталинском режиме, рационализировать исходя из каких-либо критериев расхожие или тиражируемые мнения [2, с. 684].

Проведенное в 2014 г. всероссийское социологическое исследование выявило новый тренд – снижение актуальности формулы «твердой руки». При всей поддержке власти и стабильности в стране доля сторонников наведения порядка методом «закручивания гаек» в составе среднего класса пошла на убыль с 61 % до 51 %, а по «ядру среднего класса» – с 63 % до 49 % [3, с. 40]. Однако тот факт, что даже среди представителей российского среднего класса почти половина – сторонники «закручивания гаек», вызывает тревогу, показывая, что история мало чему учит το общество, в котором власть не провела тщательный и честный анализ прошлого.

Выражение иезуитов «Цель оправдывает средства» прямо не звучит у современных защитников Сталина, но, тем не менее, судя по данным социологических опросов, по высказываниям ряда управленцев, прочно вошло в мировоззрение миллионов россиян. Так 68 % опрошенных россиян согласны с тем, что жестокий бесчеловечный тиран виновен в уничтожении миллионов невинных людей. Однако ровно столько же – готовы признать, что какие бы ошибки и пороки не приписывались Сталину, самое важное, что «под его руководством наш народ вышел победителем в Великой Отечественной войне» [2, с. 684].

Все вышесказанное позволяет сделать следующий вывод: решения XX съезда только «пошевелили траву» на кургане сталинизма, возвышавшегося на поле советской истории, не затронув его основания. В чем причины такого явления? Рассмотрим этот вопрос с гносеологической и управленческой точек зрения.

Прежде всего, обратим внимание на два наиболее характерных довода неосталинистов: «принял страну с сохой – оставил с атомной бомбой» и – «Сталин выиграл величайшую из войн». Несложно заметить, что понятия «сталинизм» (и близкое, но не одионокое – «сталинщина») смешиваются с куда более многогранным понятием – «советская история». Историк, профессионально занимающийся периодом 1930-х – начала 1940-х гг., хорошо знает, например, что по ряду причин (нередко, в силу очевидных провалов) Сталин мог уходить «в тень», передавая инициативу более подготовленным управленцам. Известна и практика уничтожения (физического или морального) тех, кто смог решить самые сложные проблемы [4, с. 400–409].

Кроме того, очевидно, что большинство проектов, программ, практических военных, экономических, культурных решений, собственно и составлявших каркас советской истории, были осуществлены с одобрения Сталина, но, как правило, при его активном участии *только при подведении итогов* осуществленных мероприятий [5, с. 68].

Серьезной недоработкой современной исторической науки является весьма редкое научно доказанное «расщепление» конкретных действий Сталина и руководителей наркоматов (министерств) и ведомств, управленцев среднего звена в каждой из указанных областей. Без такого разделения мало имеющая общего с наукой традиция смешения истории советской эпохи и действий одного человека будет сохраняться. Ссылки на сложность подобных операций только лишний раз могут выявить методологическую ущербность гуманитарных исследований в сравнении с повседневной теоретической и практической работой физиков, химиков, представителей других естественнонаучных дисциплин.

Беды гуманитарного знания современной России во многом заложены в недавнем прошлом. Большевик, как одно из направлений марксизма, за долгие десятилетия не только трансформировавшего, но, зачастую, исказившего лицо общественных наук в России, был чем угодно, только не академическим течением. Даже те большевики, которые обладали теоретическими задатками, никогда не ставили перед собой преимущественно научных задач. Лидеры большевизма брались за статьи, как правило, для пропаганды своих идей и для подавления оппонентов [6, с. 202].

В результате, с конца 1920-х гг. в практику общественных наук прочно вошли принципы придания мнению лидера страны статуса *непогрешимой истины*. Любые сомнения в научности даже отдельных положений статей или речей вождя приравнивались к пособничеству внутренним или внешним «врагам отечества». По обоснованному мнению современного германского обществоведа Л. Эррена, «сталинский «режим руководства» руководствовался принципом опережающего повиновения»,

при котором от инакомыслящих требовалось, чтобы они капитулировали, отказавшись от проявления своей воли в любых формах» [7, с. 97].

Долгие годы целенаправленного и тотального подавления свободомыслия в СССР, репрессий даже против *потенциальных оппонентов*, не прошли даром: судя по систематическому поиску врагов среди демократов в 1990-е и среди либералов в 2000-е гг. – сталинские принципы живут в современном научном мире в России нового века и отравляют сознание ученых молодой формации [8].

Этому способствовало и «царствование» в Диссертационных советах на протяжении десятилетий советской эпохи «генералов от науки», подготавливавших себе подобных кандидатов и докторов наук, готовых к любой политической мимикрии.

Принуждение к покорности под видом требования конструктивной «самокритики» стало важнейшей причиной возникновения и утверждения культуры двойных стандартов в гуманитарных науках: поиска источников, объективно рисующих конкретную проблему, и субъективной, ничего общего не имеющей с научным анализом, трактовки фактов в угоду официальной линии. Вместе с тем, рождалась мифологическое прикрытие действительности – пропагандистская версия истории и бытия советского государства и общества, рисующая светлое царство социализма в одной стране [7, с. 100].

Составной частью указанной мифологии было постоянное упоминание Сталина, как народного вождя, и советского государства – как власти трудящихся, в котором лояльные граждане, особенно рабочие и партийцы указывают на конкретные недочёты, безобразия, недоразумения, случавшиеся по вине тех или иных чиновников, на что предполагалось реагировать конструктивно. Смысл этого, естественно, состоял в том, чтобы отвести любую, даже малейшую критику от режима как такового.

Харизма Сталина – это искусственно созданный авторитет его непогрешимости, институционально воспроизводимая принудительная вера в сверхчеловеческие способности вождя, способного найти решение всех проблем. Миф о великом Сталине – это продукт организованной, тотальной пропаганды, контроля над информацией, длительного систематического террора, вытесняющих любые оценки и точки зрения на прошлое или на современную действительность, кроме официальной и единственно верной. «Этот миф мог существовать только благодаря постоянно воспроизводимому режиму хронической мобилизации и страха, внешней и внутренней угрозы, существования страны в кольце врагов, требованиям ко всем гражданам страны самой жесткой дисциплины, самопожертвования ...» [2, с. 692].

Собственно говоря, такова судьба любой идеологии, навязываемой силой: ее существование возможно

только в форме слепой веры, состоящей из не подлежащих сомнению постулатов.

При даже не ежедневном, фактически, ежедневном повторении набора определенных «истин»: восхвалении Сталина и «социалистического общества в СССР», – они вошли в сознание и подсознание нескольких поколений советских людей, в качестве твердых про- сталинских убеждений, подкрепленных завуалированным прославлением Сталина в 1965–1985 гг.

К сожалению, и ныне российские школьные учебники по истории отказываются от научно корректных и строго определенных понятий анализа советской эпохи. Вместо них используются мифологемы, не имеющие определенного научного термина и ясно очерченного понятия. Сталинские преступления скрыты оболочкой «модернизации», хотя приведенный термин означает только переход от традиционного общества к современному. По сути, школьные учебники обходят тему квалификации сталинских деяний [9, с. 736].

Всем этим объясняется тот удивительный, на первый взгляд, факт, что подобно тому, как идеи XX съезда для большинства населения оказались связаны лично с фигурой Н. С. Хрущева, и не пережили прекращения «оттепели», так и негативная оценка распада СССР в результате непродуманных реформ М. С. Горбачева была перенесена на демократический потенциал перестройки. Так, спустя более шести десятилетий после смерти диктатора, искаженная, но утвердившаяся в научном мире и в обществе в целом система познания раз за разом порождает новые мифологические химеры об «отце народов».

Выстраивая систему тоталитарной диктатуры в СССР, Сталин активно манипулировал двумя самыми сильными властными структурами – партийным аппаратом и органами госбезопасности, поочередно устраивая чистки чекистов, опираясь на партаппарат и громя партийные комитеты руками чекистов, формируя систему управления, в которой стремление к тотальному контролю, концентрация фактически всех нитей управления в руках одного человека обращившись на деле полной непредсказуемостью и произвольностью.

По мысли историка О. В. Хлевнюка, полнее других знающего архивные документы о деятельности Сталина, «диктатура выработала вполне действенные методы контроля, социального и аппаратного манипулирования и принуждения, позволявшие добиваться реализации ключевых решений. Постоянные репрессии и кадровые чистки держали в неослабевающем напряжении общество и аппарат» [10, с. 135].

Крушение «социалистической системы», острейший кризис марксизма, как господствующей идеологии, распад Советского Союза обусловили потрясения и деформации, по масштабу схожие с событиями 1917 г. Но при отрицании позитивных достижений перестройки, единственным прагматическим опытом,

«территорией опоры», становился вновь привычный набор советских управленческих принципов и стереотипов мышления, включая идеологические штампы о величии «самой передовой страны мира» и ее «мудром руководителе». Научный диалог о подлинном величии подвига народа подменялся верой в вождя, в особую, заведомо справедливую миссию СССР.

С учетом того, что примитивная по своему устройству система управления, замыкающаяся на одном человеке, не справлялась в советскую эпоху с регулированием все усложняющихся сфер современной жизни, отрицание опыта предшественников, также как и слепое подражание прошлому, чревато новыми тяжелыми потрясениями.

Ситуация усложняется тем, что сохраняется *главное сталинское наследство*: закрытость или полужакрытость, полное или частичное искажение правдивой информации о реальной жизни, – явление, воспроизводящее мифы недавнего прошлого. Приведем только один пример: правда о величине потерь Советской армии в годы Великой Отечественной войны. Показатель, способный либо свидетельствовать об умелом сталинском руководстве, либо о бесчеловечном подходе («война все спишет!»).

В ожесточенных сражениях, указывается в новейшей «Истории Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. В 12-ти томах», Красная армия безвозвратно потеряла 8 666 400 человек (здесь учтены и потери в кампании на Дальнем Востоке). Кроме того, были миллионы раненых, контуженных, обмороженных. С этими потерями Красной армии соизмеримы потери вооруженных сил Германии и армий ее союзников [11, с. 76].

Действительно, с учетом потерь противника (10 344,5 тыс. человек) цифры сопоставимы. Однако потери фашистов, согласно *общепринятой мировой статистике*, включают и умерших от ран в годы войны и погибших в плену. Две последние категории безвозвратных потерь не включены в приводимую цифру потерь Красной армии. С учетом же этих категорий безвозвратные потери Красной армии по мнению специалистов (2015 г.) составляют около 11,4 млн. человек. По подсчетам академика Ю. Полякова, опубликованным в 2005 г. к 60-летию Победы, говорится о 15 млн. фронтовиках, по данным военкоматов, не вернувшихся домой. Более детальный учет персональных карточек названной категории фронтовиков в Архиве Министерства обороны показывает наличие **13,85 млн. погибших** [12].

Поразителен факт незамечания и игнорирования обществом (и даже исторически сообществом) статистических данных, приведенных ведущим демографом страны. Однако и в этом явлении наглядно проявились последствия сталинской деформации сознания, пропускающего только то, что отвечает привычным канонам.

Без сомнения, в ходе войны советские войска, командиры, военачальники, рядовые учились воевать по-новому, овладевать искусством ведения как оборонительных, так и наступательных боев и операций, управления войсками. Все это положительно сказалось как на эффективности действий советских войск, так и на уменьшении числа их потерь. Если безвозвратные потери советских войск в июне – декабре 1941 г. составили 31,8% от их общих потерь за всю войну, в 1942 г. – 27,3%, то уже в 1943 г., когда произошел коренной перелом в войне, безвозвратные потери уменьшились до 19,4%. Значительно меньшими они стали в 1944 и 1945 гг. – 14,8 и 6,7% соответственно [11, с. 76].

Вместе с тем, нельзя не отметить, что прятать правду о потерях в великой войне на протяжении семидесяти лет от собственного народа – яркий пример живучести сталинизма. Однако это только частный пример действия сталинской модели управления, ориентированной на цели, на количественные результаты *без учета затрат и потерь*.

Не стыкуются построение светлого счастливого будущего и осуждение к лишению свободы в лагерях, колониях и тюрьмах за 1930–1952 гг. 20 млн. человек. Даже с очевидным учетом возможного повтора лишения свободы это и есть бесчеловечность сталинщины. Кроме того, по оценке специалистов, не менее 6 млн. человек подверглись депортациям в административном порядке [13].

Еще 30 млн. приговоров (включая повторно осужденных) было вынесено с мерами наказания, *не связанными с лишением свободы*, в основном речь шла об исправительно-трудовых работах [14]. Можно полагать, пишет крупнейший исследователь деятельности Сталина О. В. Хлевнюк, что различным «жестким» и «мягким» репрессиям за двадцать с небольшим лет сталинской диктатуры подверглись не менее 60 млн. человек [10, с. 136], т.е. треть населения СССР. К этой цифре, свидетельствующей о глубине социальной и психологической травмы советского и российского общества, следует добавить те миллионы людей, которые были ущемлены в своих правах по причине «неправильного» сословного, национального происхождения; дальнего родства с «врагами народа»; «вольнодумных» высказываний. Но у этой трагедии есть и обратная сторона: немалая часть советских людей, обойденных «жесткими» и «мягкими» репрессиями и ущемлением прав, оказалась де-факто «приподнята» правящим режимом над пострадавшими; возвышена пропагандистской машиной, будучи причисленной к числу «строителей нового общества».

Систематическая лесть поколению обойденных тюрьмой и лагерем, дополненная пропагандой мирового величия советской державы, представляла один из самых изощренных инструментов манипулирования людьми, включая жителей утопающих в грязи деревень

и барачных рабочих окраин. Следует отметить эффективность этого инструмента, поскольку пропаганда умело превращала материальное – нищий убогий быт – во вторичное, а идею – утопическую картину «коммунистического завтра» – в первичное.

Раскол общества на «сидевших» и «ущелевших» поддерживался атмосферой страха и вынужденной ежедневной политической мимикрией и массовым конформизмом, ставшими питательными порами сталинизма, рождавшими мысли о личной связи «отца народов» и рядового советского человека.

Процесс складывания идентичности советского человека определялись ленинскими и сталинскими оценками современной жизни, примитивизацией картины мира на основе классовой борьбы угнетенных рабочих и угнетателей-капиталистов. Что касается текстов, то они были адаптированы в связи с коммуникативными особенностями адресата – граждан с низким общеобразовательным уровнем. Приемы речевой и жанровой стилизации были ориентированы на сближение повествования со сказом [15, с. 377–379]. Именно в таком жанре были созданы тысячи книг, песен и стихов о Сталине. Фактически не один литератор Советской эпохи не остался в стороне от прямого или косвенного возвеличивания вождя.

Формирование атмосферы страха, раскола общества и противопоставление одних социальных групп другим проходило через такой чудовищный механизм воздействия на население, как жестко централизованная большевистская партия – огромная машина, которую историки называют «сталинской партией-государством». Главная сила партийного аппарата заключалась в безусловном праве производить кадровые перестановки в любом (от большого до самого малого) учреждении и предприятии, формируя особую иерархическую группу – номенклатуру – слой «избранных», преданных «душой и телом» Сталину и партии, управленцев [10, с. 133].

Через этот слой и через миллионы партийцев, ведомых партийно-государственной элитой, Сталин проводил свой курс – «социалистический проект», ставший крупнейшим социально-экономическим экспериментом во всемирной истории. Масштабность этого эксперимента, неразрывно связанная с идеей возвращения России статуса великой державы (а после 1945 г. – супердержавы), стала главным аргументом коммунистической пропаганды.

Подобно другим грандиозным экспериментам (например, многолетней попытке создания наполеоновской объединенной Европы), социалистический проект отличался приматом и даже **абсолютизацией целей над «издержками»** – людскими потерями и разорением экономики. Поразительна все-таки история Европы: чем глобальнее ставились цели, тем

бесчеловечнее могла становиться практика государственного управления, упакованная в социалистические или национал-социалистические формы. *Управление по результатам, оторванное от социальной цены и социальных ценностей столь же опасно, как и отсутствие ориентиров в политике.*

Более того, крайне слабое представление о качественных параметрах сталинской модели, уровне ее оптимальности и реальных результатах ее применения облегчили распространение в современной России мифических представлений о сталинизме, который на самом деле никогда не существовал [10, с. 72]. Только такая богатая человеческими и природными ресурсами страна, как СССР, могла физически выдерживать «модернизацию» в сталинском варианте и не только оплатить постоянные эксперименты, но и на выходе получить ощутимые результаты. Если страшная цена социалистического эксперимента, порожденная практикой репрессивного государства, подорвала (или, по крайней мере, значительно ослабила) генетический потенциал советского общества, то, созданная в 1930-е гг. система экономических отношений, не принимающая за исключением ВПК новаций, лишила страну в условиях НТР конкурентоспособности народного хозяйства, консервируя отсталый и полунисенский быт для большинства граждан; полуразрушенные дороги, стоящие порознь потребители и сферу услуг; гигантскую промышленность, работавшую на количественные показатели и вне экологических норм. Добавим к вышесказанному хрупкий и полный рисков принцип национально-государственного устройства СССР, и будет справедливым поддержать суждение О. В. Хлевнюка о том, что стратегически сталинская модель была обречена на провал [10, с. 72].

Создание военной супермашины, противопоставленной Западу, т.е. большинству стран мира; принесение экономики в жертву военному молоху; политика диктата, обращенная к союзникам; расточительство средств на поддержку продвижения мифического «социализма» по всей планете; хищническое освоение природных ресурсов, наряду с продолжением экстенсивного роста экономики, характерного для раннего индустриального общества, создавали такое давление на Советское государство, которое не могло не привести к крушению государства.

Все сказанное в интегральном варианте позволяет резюмировать: «социалистический проект» скорее замедлил, чем ускорил развитие нашей страны, если измерять развитие прежде всего уровнем человеческого потенциала. Сталинская модель «социалистического проекта» позволила создать своеобразный «самолет», на котором СССР смог подняться на немалую высоту, но пренебрежение к объективным закономерностям мирового развития, к допустимым потолкам перегрузок привело к крушению этого самолета.

Возвращение вновь к сталинскому варианту развития привело бы в борьбе со всем враждебным внешним миром к не только к стремительному росту перегрузок, к реставрации тоталитарного режима, но и к закономерной растрате того (не столь большого по мировым меркам) модернизационного капитала, накопленного за 60 лет в постсталинский период.

Литература:

- См.: Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003; Жуков Ю.Н. Сталин: тайны власти. М., 2008; Жуков Ю.Н. Народная империя Сталина. М., 2009; Жуков Ю.Н. Настольная книга сталиниста. М., 2010; Жуков Ю.Н. Обратная сторона НЭПа. Экономика и политическая борьба в СССР. 1923–1925 гг. М., 2014.
- Гудков Л. Российский миф о Сталине // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 680–696.
- Горшков М. К. Средний класс как отражение экономической и социокультурной модели развития страны // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 35–44.
- Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010.
- Хлевнюк О. В. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М., 2011. С. 62–74.
- Мельник Д. В. «Ленинградское дело» и советская политэкономика // Россия и современный мир. 2014. № 4 (85). С. 202–215.
- Эррен Л. Самокритика и признание вины. Коммуникация и господство при Сталине (1917–1953). Берлин, 2004.
- См.: Сушков. А.В. «Крах империи Кабакова»: Свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6 (92). С. 46–84.
- Соколов Н. Реабилитация сталинизма в российских школьных учебниках // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2011. С. 735–737.
- Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. Биография. М., 2015.
- История Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. В 12-ти томах. Т. 11. Политика и стратегия Победы: стратегическое руководство и вооруженными силами СССР в годы войны. М., 2014.
- Нехамкин С., Архангельский Т. Когда считать мы стали раны (интервью с Ю. А. Поляковым) // Известия. 2005. 6 мая.
- Кокурин А., Моруков Ю. Гулаг: структура и кадры // Свободная мысль. 2001. № 12. С. 111–121.
- Земсков В. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003.
- Никонова О. Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001.

References:

- Ref.: Zhukov Y. N. Different Stalin. Political reforms in the USSR in 1933–1937. M., 2003; Zhukov Y. N., Stalin: the mysteries of power. M., 2008; Zhukov Y. N. People's Stalin Empire. M., 2009; Zhukov Y. N. Handbook of a Stalinist. M., 2010; Zhukov Y. N. Downside of NEP. The economy and the political struggle in the USSR. 1923–1925. M., 2014.
- Gudkov L. The Russian myth about Stalin // History of Stalinism: results and problems of the study. The materials of the international scientific conference. Moscow, December 5–7, 2008. M., 2011. P. 680–696.
- Gorshkov M. K. Middle class as a reflection of economic and sociocultural development model of the country // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2015. № 1. P. 35–44.
- Khlevnyuk O. V. Boss. Stalin and the approval of Stalin's dictatorship. M., 2010.
- Khlevnyuk O. V. Stalin in power. Priorities and results of dictatorship policy // Istoriya stalinizma: rezultaty i problemy izucheniya. M., 2011. P. 62–74.
- Melnik D. V. «Leninskoye Delo» and the Soviet political economics // Russia and the modern world. 2014 № 4 (85). P. 202–215.
- Erren L. Self-criticism and confession. Communication and dominance under Stalin (1917–1953). Berlin, 2004.
- Ref.: Sushkov A. V. «The collapse of the Kabakov's Empire»: Sverdlovsk guide in political whirlpools of 1937 // Vesi. 2013. № 6 (92). P. 46–84.
- Sokolov N. Rehabilitation of Stalinism in the Russian school textbooks // History of Stalinism: results and problems of the study. The materials of the international scientific conference. Moscow, December 5–7, 2008. M., 2011. P. 735–737.
- Khlevnyuk O. V. Stalin. The life of one leader. Biography. M., 2015.
- The history of the Great Patriotic War. 1941–1945. In 12 volumes. V. 11. Policy and strategy for the Victory: strategic leadership of the armed forces of the USSR during the War. M., 2014.
- Nekhamkin S., Arkhangelskiy T. When we started counting the wounds (interview with Yu. A. Polyakov) // Izvestiya. May 6, 2005.
- Kokurin A., Morukov Yu. Gulag: structure and personnel // Svobodnaya mysl. 2001. № 12. P. 111–121.
- Zemskov B. The deportees in the USSR, 1930–1960. M., 2003.
- Nikonova O. Yu. Instrumentalization of military experience in the USSR in the interwar period // Man and the war. War as a cultural phenomenon. M., 2001.